

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

Поврежденный. Александр Иванович Герцен

Повесть

I ...

В одну очень тяжелую эпоху моей жизни, после бурь и утрат и перед еще большими бурями и утратами, встретил я одно странное лицо, которого слова и суждения мне сделались больше понятны спустя некоторое время.

Человек этот попался мне на дороге, точно как эти мистические лица чернокнижников, пилигримов, пустынников являются в средневековых рассказах, для того чтобы приготовить героя к печальным событиям, к страшным ударам, вперед примиряя с судьбой, вооружая терпением, укрепляя думами. Дело было на Корниче.

Я приплыл на лодке из Ниццы в небольшой городок; оттуда я собирался ехать сухим путем, но лошади единственного ветурина только что воротились, надобно было им дать отдохнуть, по его словам, "два маленьких часа", что значило, по крайней мере, четыре очень больших. Мне было некуда торопиться и совершенно все равно, днем позже или раньше приеду в Геную. Я заказал себе завтрак и пошел бродить по берегу.

Какое счастье, что есть на свете полоса земли, где природа так удивительно хороша и где можно еще жить до поры до времени свободному человеку.

Когда душа носит в себе великую печаль, когда человек не настолько сладил с собою, чтобы примириться с прошедшим, чтобы успокоиться на понимании, - ему нужна и даль, и горы, и море, и теплый, кроткий воздух; нужны для того, чтобы грусть не превращалась в ожесточение, в отчаяние, чтобы он не зачерствел.

Хороший край нужнее хороших людей. Люди готовы сострадать, но почти никогда не умеют; от их сострадания становится хуже, они бережат раны, они неловки. Сверх того, люди бесят или рассеивают; к чему еще беситься, к чему, с другой стороны, бежать от печали, это так же робко и слабо, как глупо бежать от наслаждений, когда они еще веселят.

Досадно, что я не пишу стихов. Речи об этом крае необходим ритм, так, как он необходим морю, которое мерными стопами во веки нескончаемых гексаметров плещет в пышный карниз Италии. Стихами легко рассказывается именно то, чего не уловишь прозой... едва очерченная и замеченная форма, чуть слышный звук, не совсем пробужденное чувство, еще не мысль... в прозе просто совестно повторять этот лепет сердца и шепот фантазии.

День был удивительный, жар только что начинался, яркое, утреннее солнце освещало маленький городок, померанцевую рощу и море. Пригорок был покрыт лесом маслин. Я лег под старой, тенистой оливой неда-. леко от берега и долго смотрел, как одна волна за другою шла длинной, выгнутой линией, подымалась, хмурилась, начинала закипать и разливалась, пропадая струями и пеной, в то время как следующая с тем же важным и стройным видом хмурилась и закипала, чтобы разлиться. Нам так чуждо все бескорыстное, так дешево все настоящее, что и в вечном колытании природы человек невольно ждет чего-то - следующей волны, развязки... вот теперь, кажется, что-то да выйдет... кажется, что теперь, а волна опять разлилась и шумит, шурстят камнями, которые утягивает с собой вглубь, чтобы при первом ветре выбросить их снова на берег.

Волна моей жизни, думалось мне, тоже перегнулась и течет вспять, я чувствую, как она отступает, касается камней дна и берега, как увлекает меня назад, не обращая внимания ни на ушибы, ни на усталость и нашептывая в утешение:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты!

"..Наша жизнь вовсе на наша, все делается помимо нас.

Человек растет, растет, складывается и прежде, нежели замечает, идет уж под гору. Вдруг какой-нибудь удар будит его, и он с удивлением видит, что жизнь не только сложилась, но и прошла. Оп тут только замечает тяжесть в членах, седые волосы, усталь в сердце, вялость в чувствах. Помочь нечем. Узел, которым организм евязал и затянут, - личность - слабеет. Жгучие страсти выдыхаются в успокоивающие рассуждения, дикие порывы - в благоразумные отметки, сердце холодеет, привыкает ко всему, мало требует, мало дает, химическое сродство, где можеэг, утягивает составные части в минеральный мир и заменяет их чем-то мертвым, каменным. Безличная мысль и безличная природа одолевают мало-помалу человеком и влекут его безостановочно на свои вечные, неотвратимые кладбища логики и стихийного бытия... II ...Когда я пришел в гостиницу, на дворе уже было очень жарко, я сел на балконе. Перед глазами тянулась длинной ниткой обожженная

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
солнцем дорога, она шла у самого моря, по узенькой нарезке, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли бочонки вина, осторожно переступая с ноги на ногу; медленное шествие их нарушилось дорожной каретой, почталион хлопал бичом и кричал, мулы жались к скалистой стене, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась под балконом, на котором я сидел.

Почталион соскочил с лошади и стал Откладывать, толстый трактирщик в фуражке Национальной гвардии отворил дверцы и два раза приветствовал княжеским титулом сидевших в карете, прежде нежели слуга, спавший на козлах, пришел в себя и, потягиваясь, сошел на землю.

"Так спят на козлах и так аппетитно тянутся только русские слуги", подумал я и пристально посмотрел на его лицо; русые усы, сделавшиеся светло-бурыми от пыли, широкий нос, бакенбарды, пущенные прямо в усы на половине лица, и особый национальный характер всех его приемов убедили меня окончательно, что почтенный незнакомец был родом из какой-нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Как ни философствуй и ни клевети на себя, но есть что-то шевелящееся в сердце, когда вдруг неожиданно встречаешь в дальней дали своих соотечественников. Между тем из кареты выскочил человек лет тридцати, с сытым, здоровым и веселым видом, кото-рый дает беззаботность, славное пищеварение и не излишне развитые нервы. Он посадил на нос верховые очки, висевшие на шнурке, посмотрел направо, посмотрел налево и с детским простодушием закричал спутнику в карете:

- Чудо какое место, ей-богу, прелесть, вот Италия так-Италия, небо-то, небо синее, яхонт! Отсюда начинается Италия!

- Вы это шестой раз говорите с Авиньона, - заметил его товарищ усталым и нервным голосом, медленно выходя из кареты.

Это был худощавый; высокий человек, гораздо постарше первого; он почти весь был одного цвета, на нём был светло-зелёный пальто, фуражка из небеленого батиста, под цвет белокурым волосам, покрытым пылью, слабые глаза его оттенялись светлыми ресницами, и, наконец, лицо завялое и болезненное было больше изжелта-зеленоватое, нежели бледное.

Печальная фигура посмотрела молча в ту сторону, в которую показывал его товарищ, не выражая ни удивления, ни удовольствия.

- Ведь это всё оливы, всё оливы, - продолжал молодой человек.

- Оливовая зелень прескучная и преоднообраз-ная, - возразил светло-зеленый товарищ, - наши березовые рощи красивее.

"Ба, - подумал я, - да это старые знакомые, это Ноздрев и Мижухев, переложенные на новые нравы и едущие не в Заманиловку, а в Сен-Ремо".

Молодой человек покачал головой, как будто хотел сказать: "Неисправим, хоть брось!" - и взглянул вверх. Лицо его показалось мне знакомо, но, сколько я ни старался, я не мог припомнить, где я его видел. Русских вообще трудно узнавать в чужих краях, они в России ходят по-немецки без бороды, а в Европе по-русски отращивая с невероятной скоростью бороду.

Мне же пришлось долго ломать головы. Молодой, че ловек с тем добродушием и с той беззаботной сытостью в выражении, с которыми радовался оливам, бежал ко мне и кричал по-русски:

- Вот не думал, не гадал - истинно говорят, гора е горой не сходится - да вы меня, кажется, не узнаете?, Старых знакомых забывать стали?

- Теперь-то очень узнаю; вы ужасно переменялись, и борода, и растолстели, и похорошели, такие стали кровь с молоком.

- In corpora sano mens sana, - отвечал он, от душа смеясь и показывая ряд зубов, которому бы позавидовал волк. - И вы переменялись, постарели - а что? Жизнь-то кладет свои нарезки? Впрочем, мы четыре года не видались; много воды утекло с тех пор.

- Не мало. Как вы сюда попали?

- Еду с больным...

Эта был лекарь Московского университета, исправлявший некогда должность прозектора; лет пять перед тем я занимался анатомией и тогда познакомился с ним. Он был добрый, услужливый малый, необыкновенно прилежный, усердно занимавшийся наукой а vivre ouvert [без труда; буквально - непосредственно с листа (фр.)], то есть никогда не ломая себе головы ни над одним вопросом, который не был разрешен другими, но отлично нлавпиш нее разрешенные вопросы.

- А! Так этот зеленый товарищ ваш больной; куда же вы его дели?

- Это такой экпомилляр, что и в Италии у вас не скоро съешь. Вот чудак-то. Машина была хороша, да немного повредилась (при этом он показал пальцем на лоб), я и чиню ее теперь. Он шел слоца, да черт меня дернул сказать, что я вас знаю, он перепугался; ипохондрия, доходящая, до мании; иногда он целые дни молчит, а иногда говорит, говорит - такие вещи, цу просто волос дыбом становится, все

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru отвергает, все – оно уж эдак через край; я сам, здаете, не очень бабьим сказкам верю, однако ж все же есть что-то. Впрочем, он претихий и предобрый; ему ехать за границу вовсе не хотелось. Родные уговорили, знаете, с рук долой, ну да и языка-то его побаивались лакеи, дворники все на откуп у полиции – поди там, оправдывайся. Ему хотелось в деревню, а имение у него с сестрой неделимое; та и перепугалась – коммунизм, говорит, будем мужикам проповедовать, тут и собирай недоимку. Наконец, он согласился ехать, только непременно я Южную Италию, Magna Graecia! [Великая Греция – название Южной Италии (лат.)] Отправляется в Ка-набрию и ваш покорный слуга с ним в качестве лейб-медика. Помилуйте, что 8а место, там, кроме бандитов да попов, человека ее найдешь; я вот проездом в Марселе купил себе пистолет-револьвер, знаете, четыре ствола так повертываются. – Знаю. Однако ж должность ваша не из самых веселых, быть беспрестанно с сумасшедшим.

– Ведь он не в самом деле на стену лезет или кусается. Он меня даже любит по-своему, хотя и не даст слова сказать, чтобы не возразить. Я, впрочем, совершенно доволен; получаю тысячу серебром в год на всем готовом, даже сигарок не покупаю. Он очень деликатен, что до этого касается. Чего-нибудь стоит и то, что на свет посмотришь. Да, послушайте, надобно вам показать моего чудака.

– Бог с ним совсем. Кстати, вы не только других не знакомьте, но и сами будьте осторожны, со мной верноподданым дозволяется только грубить, а не то вас, пожалуй, после возвращения из Италии в такую Калабрию пошлют, где ни попов, ни разбойников нет. А может быть, и reggio [хуже (ит.)] такое зададут агреggio [арпеджо (музыкальный термин) (ит.)].

– Ха-ха-ха – эк язык-то, язык, все тот же, все с ядом, все бы кусаться, вот небось этого не забыли – агреggio. Не боимся мы, наше дело медицинское; ну, позовут к Леонтию Васильевичу, что же? Я скажу откровенно – помилуйте, генерал, на дороге встретил человека, без живота лежит, не может дальше ехать, ну я ему лауданума с мятой дал, это обязанность звания, долг человечества. Он ведь и поймет, что это вздор, ну, да умный человек, надоело же все в Сибирь да в Сибирь, скажет – ну вперед будьте осторожны, я говорю для вашего собственного блага, это отеческий совет, – так и отпустит. Нынче у нас как-то меньше смотрят за этим, ей богу; у Излера "пресса" лежит тан, как "Петербургские ведомости", просто на столе лежит.

– И притом еще отборные нумера, не так, как здесь, сплошь да рядом.

– Смейтесь, смейтесь, много небось вы здесь выиграли февральской революцией?

– У... у... да вы преопасный человек, вы уж разрешили эдак о мятежах и злоумышленниках говорить, – смотрите – до добра это не доведет.

– Я притащу моего пациента – ну что вам в самом деле, через час разъедетесь; он предобрый человек и был бы преумный.

– Если б не сошел с ума.

– Это несчастье... вам, ей-богу, все равно, а ему рассеяние и нужно и полезно.

– Вы уже меня начинаете употреблять с фармацевтическими целями, заметил я, но лекарь уже летел по коридору.

Я не подчинился бы его желанию и его русской распорядительности чужою волею, но меня, наконец, интересовал светло-зеленый коммунист-помещик, и я остался его ждать.

Он взмог робко и застенчиво, кланялся мне как-то больше, нежели нужно, и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица придавали странное неуловимое колебание его чертам, которые беспрерывно менялись и переходили из грустно-печального в насмешливое и иногда даже в простоватое выражение. В его глазах, по большей части никуда не смотревших, была заметна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которые все были сдвинуты над бровями. Недаром и не в один год мозг выдавил через костяную оболочку свою такой лоб и с такими морщинами, недаром и мускулы лица сделались такими подвижными.

– Евгений Николаевич, – говорил ему лекарь, – позвольте вас познакомить, представьте, какой странный случай, вот где встретился старый пршггель, с которым вместе кошек и собак резали.

Евгений Николаевич улыбался и бормотал;

– Очень рад – случай – так неожиданно – вы извините.

– А помните, – продолжал лекарь, – как мы собачонке сторожа Сычева перерезали пневмогастрический нерв – закашляла голубушка.

Евгений Николаевич сделал гримасу, посмотрел в окно и, откашлянув раза два, спросил меня: – Вы давно изволили оставить Россию?

– Пятый год.

– И ничего, привыкаете к здешней жизни? – спросил Евгений Николаевич а покраснел.

- Ничего.

- Да-с, но очень неприятная, скучная жизнь за границей.

- Ив границах, - прибавил развязный лекарь.

Вдруг, чего я никак не ожидал, мой Евгений Николаевич покотился со смеху и, наконец, после долгих усилий успел настолько успокоиться, чтобы сказать прерывающимся голосом:

- Вот Филипп Данилович все со мной спорит, ха-ха-ха, я говорю, что земной шар или неудавшаяся планета, или больная; а он говорит, что это пустяки; как же после этого объяснить, что за границей и дома жить скучно, противно, - и он опять расхохотался до того, что жилы на лбу налились кровью.

Лекарь лукаво подмигнул мне с таким видом превосходства, что мне стало его ужасно жаль.

- Отчего же не быть больным планетам, - спросил пресерьезно Евгений Николаевич, - если есть больные люди?

- Оттого, - отвечал лекарь за меня, - что планета не чувствует; где нет нервов, там нет и боли.

- А мы с вами что? да для болезни нервов и не нужно, бывает же виноград болен и картофель? Я того и смотрю, что земной шар или лопнет, или сорвется с орбиты и полетит. Как это будет странно, и Калабрия, и Николай Павлович с Зимним дворцом, и мы с вами, Филипп Данилович, все полетит, и вашего пистолета не нужно будет. - Он снова расхохотался и в ту же минуту продолжал, с страстной настойчивостью обращаясь ко мне: - Так жить нельзя, ведь это, очевидно, надобно, чтобы что-нибудь да сделалось; лучше планете сызнова начать; настоящее развитие очень неудачно, есть какой-то фаут [промах, ошибка (от фр. faute)]. При составе, что ли, или когда месяц отделялся, что-то не сладилось, все идет с тех пор не так, как следует. Сначала болезни были острые; каков был жар внутренний во время геологических переворотов! Жизнь взяла верх, но болезнь оставила следы.

Равновесие потеряно, планета мечется из стороны в сторону. Сначала ударились в количественную нелепость; ну пошли ящерицы с дом величины, папоротники такие, что одним листом экзерциргауз покрыть можно, ну, разумеется, все это перемерло, как же таким нелепостям жить. Теперь в качественную сторону пошло - еще хуже - мозг, нервъ, развивались, развивались до того, что ум за разум зашел. История сгубит человека, вы что хотите говорите, а увидите - сгубит.

После этой выходки Евгений Николаевич замолчал. Подали завтрак, он очень мало ел, очень мало пил и во все время ничего не говорил, кроме "да" и "нет". Перед концом завтрака он спросил бордо, налил рюмку, отведал и поставил ее с отвращением - . - Что, - спросил лекарь, - видно, скверное?

- Скверное, - отвечал пациент, и лекарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбию людей, их - :эгоизму, упрекал в том, -что трактирщики берут 35 процентов и все-таки обманывают, г

Евгений Николаевич равнодушно заметил, что он не понимает, за что сердится лекарь, что он с своей стороны не видит, отчего трактирщику не брать 65 процентов - если он может, и что он очень умно делает, продавая скверное вино - пока его покупают.

Этим нравственным замечанием кончился наш завтрак. III Поврежденный с самого первого разговора удивил меня независимую отвагой своего больного ума. Он был явным образом "надломлен", и хотя лекарь уверял ме-, ня, что он во всю жизнь не имел ни большого несчастья, ни больших потрясений, я плохо верил в психологию моего доброго прозектора.

Мы поехали вместе в Геную и остановились в одном из дворцов, разжалованных в наш мещанский век в отели. Евгений Николаевич не показывал ни особенного интереса к моим беседам, ни особенного отвращения от них. С доктором он беспрестанно спорил.

Когда темные минуты ипохондрии подавляли его, он удалялся, запирался в комнате, редко выходил, был желто-бледен, дрожал, как в ознобе, а иногда, казалось, глаза его были заплаканы. Лекарь побаивался за его жизнь, брал глупые предосторожности, удалял бритвы и пистолеты, мучил больного разводящими и ослабляющими нервы лекарствами, сажал его в теплую ванну с ароматической травой. Тот слушался с желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, как избалованное дитя.

В светлые минуты он был тих, мало говорил, но вдруг речь его неслась, как из прорвавшейся плотины, прерываемая спазматическим смехом и нервным сжатием горла, и потом, скошенная середь дороги, она останавливалась, оставляя слушающего в тоскливом раздумье. Его странные парадоксальные выходки казались ему легкими, как таблица умножения. Взгляд его действительно был верен и последователен тем произвольным началам, которые он брал за оснотзу.

Он много знал, но авторитеты на него не имели ни малейшего влияния, это всего более оскорбляло хорошо учившегося лекаря, который ссылался как на окончательный

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
суд на Кювье или на Гумбольдта.

- Да отчего мне, - возражал Евгений Николаевич, - так думать, как Гумбольдт. Он умный человек, много ездил, интересно знать, что он видел и что он думает, но меня-то это не обязывает думать, как он. Гумбольдт носит синий фрак - что же, и мне носить синий фрак? Вот небось Моисею так вы не верите.

- Знаете ли, - говорил глубоко уязвленный доктор, обращая речь ко мне, - что Евгений Николаевич не видит разницы между религией и наукой что скажете?

- Разницы нет, - прибавил тот утвердительно, - разве то, что они одно и то же говорят на двух наречиях.

- Да еще то, что одна основана на чудесах, а другая на уме, одна требует веры, а другая знания.

- Ну чудеса-то там и тут, все равно, только что религия идет от них, а наука к ним приходит. Религия так уж откровенно и говорит, что умом не поймешь, а есть, говорит, другой ум, поумнее, тот, мол, сказывал вот так и так. А наука обманывает, воображая, что понимает как... а в сущности, и та и другая доказывают одно, что человек не способен знать всего, а так кое-что таки понимает; в этом сознаться не хочется, ну, но слабости человеческой, люди и верят, одни Моисею, другие Кювье; какая поверка тут? Один рассказывает, как бог создавал зверей и траву, а другой - как их создавала жизненная сила. Противуположность не между знанием и откровением в самом деле, а между сомнением и принятием на веру.

- Да на что же мне принимать на веру какие-нибудь патологические истины, когда я их умом вывожу из законов организма?

- Конечно, было бы не нужно, да ведь ни вы и никто другой не знает этих законов, ну так оно и приходится верить да помнить.

В мире не было человека, менее способного ладить с вашим чудачком, как лекарь, он вовсе не был глуп, но принадлежал к числу тех светлых, практических умов, улов подкожных, так сказать, которые дальше рассудочных категорий и общепринятых мнений не только не идут, но и не могут идти. Он удивлялся, как я мог иной раз-артистически наслаждаться разговорами Евгения Николаевича и брать его сторону; я утешал его, говоря: "Свой своему поневоле брат".

- Однако некоторые законы организма нам известны, - возражал защитник наук.

- Какие же, например?

- Мало ли - я не знаю, - да чтобы далеко не искать - вот вам общий закон: все родившееся должно умереть.

- Зачем же? - возразил Евгений Николаевич, - что за долг умирать? Да это и не закон, это так, факт; внутренней необходимости никакой нет в смерти; неужели вы думаете, что медицина не дойдет до того, чтобы продолжать жизнь до бесконечности?

При этом вопросе и я, грешный человек, взглянул на пего почти так же, как доктор.

- Я много встречал людей, - заметил я в свою очередь, - верящих и не верящих в бессмертие души, но вы первый, который не верите в смертность тела.

- Как не верить, я не то говорю - я только не вижу никакой серьезной необходимости в смерти. Жить - значит есть окружающее; если пища будет поддерживать химический процесс, он и продолжится. Если пища будет мешать костям каменеть, хрящу делаться костью, крови становиться гуще или жиже, нежели надобно, на что ;не умирать? Родившееся должно жить; оно умирает не потому, что родилось, а потому, что не ту пищу нужно. Следует ли теперь из того, что мы плохие повара, что смерть нельзя удалить на бесконечное время? Жизнь лучше не просит, как продолжаться.

- Со стороны, послушаешь, точно будто и дело, - сказал Филипп Даириловач. - А вот как нам быть с этим, если медицина дойдет до того, что людей будут лечить от смерти; а планета, которая, по-вашему, сильно хиреет, совсем зачахнет и умрет, странное будет положение, переезжать придется на Луну или прямо на Венеру.

Вопрос этот несколько смутил Евгения Николаевича, он задумался, походил по комнате и потом с видом человека, доискавшегося до важного разрешения, ответил:

- Tout bien pris [Приняв все во внимание (фр.)] болезнь не так глубока, я, может, ошибался; во-первых, уж то хорошо, что болезнь специальная - один только род человеческий ею поражен. Да и род-то человеческий не весь болен. Это местная болезнь, эндемическая [свойственная данной местности (от греч, endemos - местный, туземный)], в одной Европе. Так, как холера идет с берегов Инда, чума с берегов Нила, желтая лихорадка с устьев Миссисипи, так болезнь исторического развития идет из Европы. Как только люди коснутся этой проклятой земли, так их мозг и поражается болезнью. С пелазгов, с греков начиная и до нашего времени. Англия разнесла заразу по всему земному шару. Чего Австралия - совсем негодный материк, и тот не оставляют в покое. В Африке жить нельзя европейцу - так по

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
закраине поселились – вот вам за холеру да за чуму, это уж не зуб за зуб, а челюсть за зуб.

– Вы так рассуждаете, – сказал я ему шутя и взяв его за обе руки, что я нисколько не удивлюсь, если после вашего возвращения Николай Павлович сделает вас министром народного просвещения.

– Не обвиняйте меня, пожалуйста, не обвиняйте, – возразил он с чувством, – и не шутите над моими мыслями. Я сам шутил над Руссо и знаю, как Вольтер ему писал, что учиться ходить на четвереньках поздно. Трудом тяжелым и мученическим дошел я до того, что повял, откуда все зло, – понял и сам оробел; я никому не говорил, молчал, по когда страдания и плач людей становились громче и громче, зло очевиднее и очевиднее, тогда я перестая прятать истину. Мы погибшие люди, мы жертвы вековых отклонений и платим за грехи наших праотцев, где нас лечить! Будущие – то поколения, может, опомнятся.

– Итак, a la fin des fins [в конце концов (фр.)], выздоровление человека начнется тогда, когда вместо прогресса люди пойдут вспять с целью зачислиться со временем в орангутанги, – сказал лекарь, закуривая свежую сигару.

– Приблизиться к животным не мешает, после неудачных опытов сделаться ангелами. Все звери рассчитаны по среде, в которой жить должны, перестановки почти всегда губельны. Речная вода для нас приятнее и чище морской, а пустите в нее какого-нибудь морского моллюска – он умрет. Человек вовсе не так богато одарен природой, как воображает; болезненное развитие его нервов и мозга увлекает его в жизнь, ему не свойственную, высшую, в ней он гибнет, чахнет, мучится. Где люди переломили эту болезнь, там они успокоились, там они довольны и были бы счастливы, если бы их оставляли в покое. Посмотрите на эти ряды поколений где-нибудь в Индии, природа им дала все с избытком, язва государственной и политической жизни прошла, болезненное преобладание ума над другими отправлениями организма утихло; всемирная история их забыла, и они жили так, как людям хорошо живется, так, как людям возможно жить до проклятой Ост-Индской компании, которая все перепортила.

– Впрочем, – заметил лекарь, – толпа почти так и у нас живет.

– Это было бы важнейшее доказательство в мою пользу, то, что вы называете толпой, это – то и есть человеческий род; но толпе не дают жить так, как она хочет, – вот беда – то в чем. Просвещение страшно дорого стоит; государство, религия, солдаты морят с голоду нижние слои; да чтобы окончательно их сгубить, развешивают перед их глазами свои богатства, они развивают в них неестественные вкусы, ненужные потребности и отнимают средства удовлетворения даже необходимых; какое печальное, раздирающее душу положение! Снизу кишит задавленное работой, изнуренное голодом население, сверху вянет и выбивается из сил другое население, задавленное мыслию, изнуренное стремлениями, на которые так же мало ответа, как мало хлеба на голод бедных. А между этими двумя болезнями, двумя страданиями, между лихорадкой от другой жизни и чахоткой от сумасшедших нерв, между ними лучший цвет цивилизации, ее балованные дети, единственные люди, кое-как наслаждающиеся, кто же они? Наши помещики средней руки и здешние лавочки. Но природа себя в обиду не дает... она клеймит за измену не хуже всякого палача...

– продолжал он, ходя по комнате, и вдруг остановился перед зеркалом: – Ну, посмотрите на эту рожу – ха-ха-ха, ведь это ужасно, сравните любого крестьянина нашего со мной, новая *varietas* [разновидность (лат.)], которую Блуменбах проглядел, "кавказско-городская", к ней принадлежат чиновники и лавочки, ученые, дворяне и все эти альбиносы и кретины, которые населяют образованный мир – племя слабое, без мышц, в ревматизме, и притом глупое, злое, мелкое, безобразное, неуклюжее точь-в-точь я, старик в тридцать пять лет, беспомощный, ненужный, который провел всю жизнь, как кресс-салат, выращенный зимой между двух войлоков фу, какая гадость! Нет, нет, так продолжаться не может, это слишком нелепо, слишком гнило. К природе... к природе на покой, – полно строить и перестраивать вавилонскую башню общественного устройства; оставить ее, да и кончено, полно домогаться невозможных вещей. Это хорошо влюбленным девочкам мечтать о крыльях, *von einer besseren Natuf, von einem andern Sonnenlichte* [о лучшей природе, об ином солнечном сиянии (нем.)]. Пора домой на мягкое ложе, приготовленное природой, на свежий воздух, на дикую волю самоуправства, на могучую свободу безначалия.

– Так это уже просто врассыпную по лесам? – заметил Филипп Данилович.

– Люди всегда будут жить стадами, – ответил док-торально наш чудак.

– Евгений Николаевич, – прибавил я, – а ведь как люди – то надуют философию истории и учение о совершенствовании, когда они вылечатся от хронической болезни *historia morbus* [болезнь истории (лат.)] и начнут жить мирными стадами?

– Да, да, – с восторгом подхватил он, – кондорсе – то с своей книжкой, ха! ха! И Евгений Николаевич, раскрасневшийся в лице, с жилами, налившимися кровью на

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
лбу, вдруг сморщился, сделал серьезный вид и упорно вомолчал. IV – Вы там что ни толкуйте, Филипп Данилович, а в истории вашего больного есть какие-нибудь странные события, – сказал я раз доктору, гуляя с ним по мраморной террасе у моря.

– Ну да как не быть чего-нибудь, кто же до тридцати пяти лет доживал без каких-нибудь неприятностей.

– Какие же, однако, были у него неприятности? – я важного ничего не знаю. Вы сами видите, какой организм, нервы почти наруже, всякая всячина его раздражает, крови нет, от природы слаб, пищеварение скверное, матери было за сорок лет, когда он родился, да еще по смерти отца, форсепсом полуживого достали. А тут петербургский климат, богатство, английская болезнь, глупое холенье довоспитали. С родными он никогда особенно близок не бывал; оно и не мудрено, он давно уже занимается болезнью земного шара и излечением рода человеческого от истории, а те думают, как бы побольше денег слупить с крестьян. Разумеется, хозяйство шло у него через пень-колоду; сестра жила на его счет и теперь на его счет всю семью содержит, да это его и не заботит, благо конца нет деньгам. Сначала, говорят, он жил покойно, занимался науками, не выходил почти никогда из своей половины, пристрастился к музыке, читал всякую всячину, только на службу никак не хотел. Потом, говорили, какая-то девчонка обманула его и обобрала. Он все становился пасмурнее, тяжелее для окружающих, ипохондрия развивалась, они его и спровадили.

– Какая же это девчонка его обманула?

– У вас так уж в голове и вертятся Вертер и Шарлотта, письма, пистолеты – мечтатели и вы страшные; успокойтесь, история эта очень проста, Шарлотта была, сестрина горничная. Он презастенчивый и отроду не подходил близко к женщине, не знаю уж, как там их бог. свел, только, говорят, он, ее любил, воображал, что чудо открыл, кантатрису [певицу (от фр. *santatrice*)], а она как-то, сговорившись с любовником, обокрала его – вот вам и весь роман. Я видел ее перед отъездом, так, неважная, а впрочем, недурна, если бы мы дольше остались в Петербурге, я, так и быть, приволокнулся бы за ней. Больше я не мог ничего добиться от моего патолога, мне было досадно, что он так, играя, скользит по жизни, досадно, а может, и завидно... Стройная, высокая генуэзка в черном платье и покрытая белым, длинным, прикрепленным к косе вуалем, шмыгнула мимо нас, незаметно улыбнулась, прищурила глаза и быстро прошла.

– Ah, die bellezza, che bellezza! [Ах, какая прелесть, какая прелесть! (ит.)] – закричал лекарь. Она обернулась и поблагодарила его тем грациозным, легким, чисто итальянским движением руки, которым они кланяются, и, как будто этого было мало, кивнула своей прекрасной головкой. Лекарь бросился за ней.

Я оставил его и пошел в *Stabilimento della Concordia*, это самое изящное, самое красивое кафе во всей Европе. Там, бродя между фонтанами, цветами, при гремющей музыке и ослепительном освещении, переходя из мраморных вал в сад и из сада в залы, раскрытые *al fresco* [настезь (ит.)], среди энергических, вороных голов римских иагнанников, среди бесконечных савойских усов и генуэзских породистых красавиц, я продолжал, думать о поврежденном.

Вспоминая его речи и рассказ лекаря, я пошел к одному из маленьких столиков в саду и спросил границ. Увидя меня, человек, сидевший за ближним столом, поспешно встал, выпил наскоро свою рюмку ро-солио и собрался уйти. Это был слуга Евгения Николаевича, который так по-русски тянулся на козлах.

– Для чего ж вы это идете? Я вам не мешаю, ни вы мне.

– Помилуйте-с, – отвечал Спиридон, снявши шляпу, – оно нашему брату не приходится, то есть с господами.

– Ведь вы теперь не в Петербурге я не в Москве. Пожалуйста, наденьте вашу шляпу и останьтесь – или я уйду.

Он остался и надел шляпу, но садиться не хотел никак.

– Да ведь вы сидели же прежде меня, почем вы зпаете, кто были ваши соседи, может, князя какие-нибудь? – спросил я.

– Это точно-с. Но ведь вы русские, а те что жо – тальянцы-с.

"Voilà gaon homme" [Вот нужный мне человек (фр)], – подумал я и потребовал у камериера графинчик марсалы и две рюмки.

– Что это ваш Евгений-то Николаевич здоровьем эдак расстроен; жаль его, такой, кажется, хороший человек.

– Это-с, позвольте вам доложить, таких господ на редкость, самый душевный-с характер. Как же не жаль-с, очень даже жаль; мыслями всё расстроивагот-ся... такой нраве. Все изволют в сердцу брать и никакой отрады не имеют. Бывало, когда им на душе нехорошо делается, сядут за клавикорд – то есть так играли, что не уступят любому музыканту в александ-рыгском оркесте. Господа, прекрасно одетые,

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru барыни, настоящие, останавливались иной раз на улице. Бывало, в передней сидишь, сердце радуется, каково наш-то отличается. Иногда так жалобно играют, что даже истомы возьмет – отменно играли. Ну, впрочем, как оставили музыку, так больше стали сбиваться, по нашему замечанию.

– Да разве он совсем не играл дома последнее время?

– Больше двух годов-с. Раз София Николаевна, сестрица их, бывши в их комнате, отворили клавикорд и так взяли одну акорду: "Вечерком красна девица". А Евгений Николаевич только глухо сказали: "Зачем это вы, сестрица, боже мой". Да так, как пласт, и упали, потом сделались спазмы, слезы и смех-с – с полчаса продолжалось. Дохтур говорит, нервы у них так расстроены, не могут слышать музыки. Так с тех пор наш дом и замолк-с. А "им все хуже; в лице много, перемены, стареют... так жам, что сказать нельзя, больше все молчат, а иногда словр одно скажут: "Ты устал, чай, Спиридон, поди-ка да тийг", таким трогательным голосом, и взгляд такой дырой у них делается, и, видно, самим-то им плохо, наболело на сердце; вот те и богатство и все, – иной раз, доложить вам откровенно, слеза прошибет.

– Мне Филипп Данилович говорил, что у Евгения Николаевича какая-то история была с горничной.

– Дело точно было-с. И она, эта самая Ульяна, доводится мне сродни, племянница, сестрина дочь. Наварила каши, чего сама не стоит, – а добрейшая душа была, ей-богу-с. Жаль, что барин тогда так к сердцу приняли и огорчились. Прость дуру следовало проучить, и все тут; и она благодарить стала бы потом, ей всего было лет восемнадцать, какой ум в эти лета, к тому же баловство-с.

– Да в чем же дело-то?

– Извольте видеть, Ульяна эта у Софии Николаевны при комнате находилась, и барыня ее жаловали, умница такая была. Был у нас тоже-с человек Федор, человек пьющий, но, впрочем, играл на скрипке отменно; только рука уж очень дрожала от горячих напитков, а чести был примерной. Вот Федор этот возьми в обучи песни петь Ульяну, голосом она брала-с и ни музыку препонятливая. Так это шло, год-другой, и никто подумать не мог, что за катавасия выйдет. Барин наш слышали несколько раз, как Ульяна поет, и говорят сестрице: "Ведь это клад, дайте ей, мол, вольную, а я ее певицей сделаю". Вот, извольте заметить, какая душа, не хотели, чтобы, обучимшись, крепостной осталась. Сестрица им в глаза смотрели: "Сейчас, мол, Ешо-ша", и отпускную совершила. Учитель ходил из немцев, иной раз с нами вступал в разговор, шинель когда подаешь или что, приостановится, не гордой был, простой, – вот как вы теперь изволите, примером, со мной разговаривать. "Ну, – говорил он, – а помещик ваш в музыке собаку съел, мне у него учиться придется, и голос у фрейлен Юльхен очень прекрасен; да и глаза-то у нее недурны, философ-то ваш знает, где раки зимуют". Ну, так, бывало, посмеемся для балагурства, а то в самом-то деле он у нас вел себя, как красная девица, только к церкви не был прибежен и постов це соблюдал. Однако мы стали замечать уж и промеж себя, что Евгений Николаевич очень руководствуются Ульяной. Уж и сестрица-то перепугались, что, мол, много воли заберет. Но только она никому вреда никогда не делала и смысла не имела о том; так, детской, пустой нрав, безосновательной – поет себе, бывало, день-деньской да конфект накупит – а грубого слова никто не слышал, со всеми преласковая была.

К тому случаю у Евгения Николаевича будь камердинером Архип. С детства при них состоял, только был года четыре помоложе, казачком так поступил с малолетства к Евгению Николаевичу на половину. И кто его знает, како.й человек, не то что дурной, а безалаберной и нерегулярный. Пить пойдет, весь дом поит до положения риз и с себя все спустит, часы, жилетку, исподнее. Барин его жаловали очень, с детства, например, росли вместе, и что ему давали – невероятно, они же забывчивы. Евгений Николаевич ему верили, как самому себе, Вот этот самый Архип и сбил с толку Ульяну. Мудрено ли глупую девку с ума свести, а уж это до добра в доме никогда не доводит; на стороне разве мало есть, слава богу, этого снадобья довольно, Петербург не клином сошелся. Сначала все шло благополучно, вдруг только случись такая беда, что у нас в доме отродясь не бывало; у барина из шкатулки пропало две тысячи рублей. Евгений Николаевич, изволите видеть сами, какой человек, самый бессчетный, они бы, может, и не догадались, но деньги-то следовало сестрице отдать, они их и приготовили с вечера, утром хватъ-по-хватъ, а денег нет. Поднялся в доме гвалт, Архип наш суетится, ищет, платя швыряет, волосы на себе рвет – денег нет. Барин-то и ничего, словно не его дело, но София Николаевна расходилась, говорит, это дело федыки-музыканта, он все пьян, откуда деньги берет. Так-с женское рассуждение, видите, на вино эдакой куш украл. Взял я смелость и говорю: "Вы меня простите, барыня, а, только Федор человек слабый, точно, но вором не будет, я его с малолетства знаю". – "Ты, говорит, молчи да за себя отвечай", – и Федора отправили при записке во вторую адмиралтейскую. Жаль мне стало старика, так мочи нет, сошел я в людскую, да в говорю: "Ребята, если

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
вор дома, следует его сыскать и выдать, а старого человека и невинного не приходится отдавать на терзание, хоша на то и барская воля, но мы в очистку себд и его, вора, поймать должны". Все наши говорят в одно слово – как не сыскать вора, коли дома. Ну, думаю, постой, не уйдешь ты, голубчик, от нашего глаза, а сам пошел наверх и присматриваюсь часок-другой, так, как будто не мое дело. Вижу я-с эдак в Архипе перемену. Э, брат. это не модель, суетится слишком. Архип, ищет после обеда за диваном, извольте знать, у нас что называются турецким диваном, подушки по стене. "Что, мол, ты это, Архип, хлопчешь?" – "Да что, говорит, все эти проклятые деньги, такая беда". – "Да как же, мол, деньгам попасть за диван?" А он мне в ответ: "Да вот, мол, подите, с полоумного спрашивайте отчет, все побросает, а потом ищи за ним, да еще, чего доброго, скажут, что кто-нибудь украл".

Посмотрел я ему в глаза, вижу – взгляд нехорош, ну, думаю, была не была – то есть Федора мне было смерть жаль, да и на дом похула нехороша – я таки, не говоря худого слова, хватя его в грудь, да и на пол, тут я его коленкой прижал, да и говорю: "Ну, признавайся, мошенник, твое это дело, а других не марай и за себя не губи". Он так оторопел, что ни слова. На этот шум выходит барин. Я ему докладываю: "Батюшка, мол, Евгений Николаевич, извольте меня на поселенье послать, как угодно, а деньгам вашим вор не кто иное, как Архип". – "Да ты, братец, пьян, – барин-то мне в ответ, – оставь его, как воров называть?" – "Нет-с, говорю, воля ваша, а я не пьян и до квартального надзирателя его не пушу. Что Федора, невинного человека, сестрица ваша отправила в часть, это бог рассудит. А вор ваших денег вот".

Барин эдак приостановился, подумал и таким тихим и грустным голосом сказал: "Архип, неужели в самом деле?" Не выдержал Архип, в три ручья валился, рванулся от меня и барину в ноги: "Виноват, говорит, кругом виноват и запыраться не намерен. Запутался я в одном нечистом деле, мне приходилось в острог идти или выкупиться, – ну, лукавый подтолкнул меня. Готов я всякое наказание принять, а деньги ваши, Евгений Николаевич, еще целы". При этом он в азарте, расплаканный, вытащил из кармана ассигнации, завернутые в бумажку, и подал.

Барин все время не говорили ни слова, только, взявши деньги, они вздрогнули и вышли вон. А Архип так и взвыл: "Посажу себе пулю в лоб, не хочу больше гаре мыкать, лучшего я недостоин; господи, что я наделал, ведь деньги-то были завернуты в Ульянино письмо – сгубил я себя и ее".

"Спиридон", – позвал барин из кабинета – я взмошел. А Архип так и остался на коленях раснлаканный, иидо самому мне жаль его стало. Барин стояли близь дверей, прислонившись к стене, такой страшной, будто неживой, губы посинели; они два раза хотели что-то сказать – и не могли, голоса не было, – потом они так ручку приложили ко лбу – плохо-с им было. Собрались с силами, наконец, и говорят таким глухим голосом: "Спиридон, никто в доме не знает, что было. Так вот поди сюда, вот отпускная Архипа и еще отпускная, тут они остановились, однако так и не сказали, – так ты им отдай, да устрой, чтобы сейчас из дому переехали, только сейчас, не мешкая, возьми сколько надобно денег из тех. Да ты, Спиридон, сделай это все помягче, понимаешь; ну, да хорошо, ступай", – прибавил он, видя, что слова-то не выходят.

Ну, уж как бедная Ульяна плакала, у меня сердце надорвалось. И взять ничего не хотела своего: "У меня ничего, говорит, нет собственного. Хоть бы взглянуть еще раз на него, прощенья бы попросить, руку бы поцеловать. Ведь как добр-то он был ко мне, как ласково смотрел – пусть бы, кажется, побил меня, все лучше бы было". – "Ну, я говорю, послушай, Уля, о том надобно было думать прежде, а тепер убирай-ка свои пожитки". Пока я с ней хлопотал, привел полицейский Федора, и комиссар с ним, говорит: "Сколько мы его ни принимались сечь, не признается, видно, деньги не он украл". Я посмотрел – Федор в лице нехорош. Комиссар говорит барыне: "Следует допросить других, на кого есть подозрение"; она пошла к братцу, что-то по-французски потолковали, вдруг она выходит в зал и говорит комиссару: "Представьте, какой случай: брат мой нашел деньги, мне, право, совестно, что вас даром обеспокоили", – "Помилуйте, это наша обязанность", – говорит коышсар, а она ему красненькую да Федора приказала чаем напоить,

Я вечером взмошел с докладом, барин сидел за столом, опершись на обе руки. Увидевши меня, он, как с испуга, вскочил, поднял руку и сказал: "Не нужно". С тех пор и помину не было об этой истории. Тем дело, почитай, и кончилось. Ну только Федор слег в постель, да месяца через два и помер. Невинную душу "а-губила София Николаевна. Наше крепостное дело, не приведи бог!
– Я не понимаю в этой истории одною: как же Ульяна могла так сблизиться с Архипом – из ваших слов видно, что она Евгения Николаевича любила.
– Да еще как-с. Вот тепер третий год пошел, как она выбыла из дома. Без слез ни разу не говорила о барине, Архип ей совсем опостылел; он, впрочем, ушел в

Поврежденный. Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru солдаты охотником, мы об нем не слышали после. Все ветренность-с и баловство. По нашему простому рассуждению, извольте видеть, Ульяна и не подумала, ей и в голову не приходило, что она барину в самом деле что-нибудь значит. Ведь все же он был бариин, не могла же она его не бояться, быть его ровней, ее могла эдак вольной дух иметь с ним, как с Архипом, они же по характеру всегда серьезны бывали. Извольте сами знать, молодость кипит, все бы смехи да дурачества. Ну, Архин мелким бесом, бывало, рассыпается - и пляшет, и на торбане играет, и кроновским пивом потчует, и мороженым угощает, - всякой под богом ходит, оно нехорошо потачку давать, но так к слову, по человечеству рассудить, так оно и понятно. В самый день нашего отъезда, утром из ресторации с Сучка, где мы обыкновенно чай пивали, прибегают за мной половой, говорит: "Барыня нас требует какая-то", что, думаю, за пропасть, однако пошел. Смотрю, Ульяна сидит и опять заливается слезами. "Дяденька, говорит, уладьте, как хотите, мне хоть бы взглянуть на Евгения Николаевича, и что у них за сердце за жестокое, что гnevаются так долго; меня, говорит, в театр в хористки взяли, ему ведь я обязана, что петь обучил. Хоть бы поблагодарить, слово одно сказать, камень точно на сердце. Да еще Василиса говорит, что и болезнь их все через меня - жизнь мне не мила". Не хотелось мне долго барина беспокоить, но вижу, она никакого интереса не имеет, а сильно кручинится, думаю, что же, головы не снимет. Вхожу в кабинет, Евгений Николаевич, как обыкновенно, сидят в задумчивости, вид ничего, добрый. Я, эдак, немного позамявшись, говорю: "Да вот еще, Евгений Николаевич, я осмелюсь доложить, так уж очень меня просила"; вдруг у них глаза так сверкнули, лицо переменялось. Я поскорее за чемодан. Она потом, бедняжка, в людской спряталась, чтобы в окно взглянуть, когда мы поедем, тут я Филиппу Даниловичу ее показывал...

- Я вам очень, очень благодарен, - сказал я Спи-ридону, - ну, пойдите-ка в наше Groce di Malta да выпейте последнюю рюмку марсалы за здоровье бедной Ульяны. Мне ее жаль, несмотря ни на что.

- Точно-с, не наше дело чужие грехи судить, и за ваше, сударь, здоровье с тем вместе, - прибавил Спиридон... С.-Елен, возле Ниццы. Зимой 1851

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!